

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 482–53

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Б. Козинец

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: kozinec74@mail.ru

В статье на основе анализа словарного материала рассматривается динамика словообразовательной метафоры с XI по XX в. Устанавливаются основные тенденции её развития: стремление к антропоцентризму, движение в сторону стилистически сниженных ресурсов языка, закрепление за словообразовательной метафорой функции характеристики.

Ключевые слова: словообразовательная метафора, диахрония, динамика, антропоцентризм.

Word-producing Metaphor in the History of the Russian Language: Dynamic Aspect

S.B. Kozinetz

Basing on the analysis of dictionary materials, the article looks into the dynamics of word-producing metaphor from XI to XX century, elucidating the main trends in its development: the trend for anthropocentrism, the evolution in the direction of low register, stabilization of characterization function.

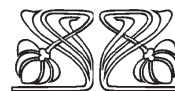
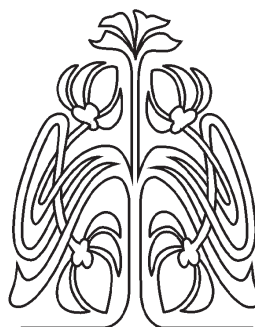
Key words: word-producing metaphor, diachronic, dynamics, anthropocentrism.

В настоящей статье ставится проблема изучения словообразовательной метафоры в диахронии, в частности, рассматривается динамика её развития в истории русского языка. К словообразовательным метафорам (далее: СМ) мы относим производные слова, которые связаны со своими производящими отношениями метафорической мотивации¹, т.е. семантика производящего подвергается в деривационном акте образному переосмыслению: *нога – подножие, пружина – пружинистый, чугун – чугунеть, ёж – ёжиться* и др.

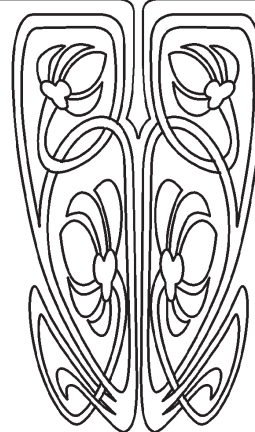
СМ, в отличие от лексической, не изучалась специально в историческом аспекте. Исследование лексической метафоры в диахронии было предпринято Л.В. Балашовой². Она установила, что «на всех этапах развития языка метафорическая система функционирует как динамическая система, обладающая достаточно четкой (хотя и вариативной, во многом потенциальной) структурой»³. Очень важную мысль о «динамичности» системы мы решили проверить на материале СМ. Таким образом, задачей нашего исследования было выявить основные закономерности формирования словообразовательной метафоры как особой подсистемы метафорической системы языка. Для этого необходимо было рассмотреть ее развитие в диахронии – с XI по XX в. включительно. Предварительный хронологический анализ СМ подсказал нам соответствующую периодизацию материала: 1) XI–XVII вв., 2) XVIII в., 3) XIX в., 4) XX в.

Древнерусский язык (XI–XVII вв.)

Строго говоря, указанный временной период включает два: древнерусский (XI–XIV вв.) и старорусский (XV–XVII вв.), однако наш

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

материал позволяет объединить их под одно общее наименование, поскольку характеризуется заметным единообразием в данный временной отрезок.

Древнерусский период характеризуется слабой активностью в образовании СМ: нами зафиксировано всего 77 производных.

Количественное соотношение слов разных частей речи примерно одинаковое.

Существительные: имена лиц: *белоручка, безсребрникъ, доухоборъць, кровопища, крохоборъ, наушникъ, отъщепеньць* и др.; наименования предметов: *сердечникъ, пожиткъ*; отвлеченные имена: *издержки, остроумие, отъщепенство, окаменение, раболепие, скотство*.

Прилагательные: обозначающие физические характеристики предмета: *едкий, приземистый, сухорукый*; обозначающие характер человека: *безмозглыи, безотвязныи, безчеловечныи, остроумныи, пронырливыйи, раболепныи*; характеризующие отвлеченный предмет: *безличныи, безоглядныи, неударжимыи, неуклонныи, сладкогласныи*.

Глаголы: глаголы уничтожения и траты: *издържати, ижитися, изгладитися, разъедати*; состояния: *възиграти, насладитися, одеревенети, оцепенети*; отношения: *избегати, обезславити, притесняти*; психического воздействия: *възкрилити, уести, усладити*.

СМ, образовавшиеся в древнерусский период, имеют следующие особенности.

Во-первых, в основном все они служат для характеристики человека, его внутренних качеств, особенностей поведения, состояния. Таким образом, уже в древнерусском языке словообразовательная метафора была противопоставлена лексической своим ярко выраженным антропоцентризмом: лексическая метафора активно развивалась и в сфере «вещного мира»⁴.

Антропоцентризм словообразовательной метафоры древнерусского периода проявлялся и в том, что в качестве производящих основ выступали в подавляющем большинстве слова, так или иначе связанные с человеком: наименования лица и соматизмы – *раб, человек; рука, голова, сердце, кровь, лицо, мозг*; слова, выражающие духовную сферу человека: *ум, дух, слава*; прилагательные восприятия: *сладкий, острый, тесный, глухой, черный*; глаголы бытия, состояния, движения, деятельности – *жить, любить, ведать, есть, бегать, взойти, подвигаться, повернуть, нести, бороться, играть, проломить, отщеплять*.

Во-вторых, большая часть СМ относится к книжной лексике, в частности к церковнославянизмам, поскольку изначально появлялись в текстах богослужбных книг (Псалтырь, Апостол, Евангелие) и церковных песнопений (стихир, ирмосов) и молитв: *безсребрникъ, безчеловечие, доухоборъць, отщепеньць, сръдцеведъць, простосръдечие, раболепие, безоглядныи, безповоротныи, неударжимыи, скоротечныи, слад-*

когласныи, възиграти, възкрилити, избегати, обезславити, очеловечити, превзойти, притесняти, разъедати, усладити и др. Свою книжную окраску они сохранили и в настоящее время.

Уже в древнерусском языке намечается основная тенденция в развитии словообразовательных метафор: они создаются прежде для характеристики функции имен и предметов, т.е. обогащают экспрессивно-оценочную систему языка.

Русский язык XVIII века

В XVIII в. лексикон пополняется 130 словообразовательными метафорами. В отличие от древнерусского языка, СМ, появившиеся в русском языке в XVIII в., представляют собой довольно пеструю в семантическом и стилистическом плане группу слов.

Существительные продолжают пополняться наименованиями лица и отвлеченных предметов.

Наименования лица расширяются не только за счет слов чисто оценочного характера – *верхогляд, дармоед, хлебосол, головорез, недотрога, прихлебатель, зубоскал, нахлебник, захребетник, пустозвон*, они пополняются также наименованиями, обозначающими социальную функцию: *бумагомаратель, крючоктвор, рифмотворец, чернорабочий*.

Отвлеченные имена представляли в основном производные от уже существовавших или появившихся словообразовательных метафор, т.е. усложняли структуру словообразовательных гнезд: *бесчеловечность, буквальность, глубокомысле, дальновидность, двоедушие, закоренелость, легкомыслие, оцепенелость, хладнокровие, хлебосольство, чистосердечие, щекотливость, возрождение, остолбенение, оцепенение, перерождение, предвкушение, предначертание, притеснение, унижение, услаждение*.

Наименования конкретных предметов составляют незначительную часть всех субстантивных СМ: *глазунья, душегрейка, заваль, змеевик, сръдцевина*.

Большинство СМ-прилагательных, как и в древнерусском языке, обозначают характер человека, свойства природы, интеллектуальные способности: *воинствующий, глубокомысленный, дальновидный, двоедушный, двуличный, закоренелый, запальчивый, легкомысленный, невозмутимый, пустоголовый, разборчивый, упоенный, хлебосольный*.

Отдельную группу представляют СМ со значением физической характеристики лица – его внешности или физического состояния: *задеревенелый, лупоглазый, одеревенелый, остолбенелый, остроглазый, оцепенелый, смазливый, угловатый*.

Значительную часть составляют слова, описывающие отвлеченный предмет. Большинство из них так или иначе связаны с характеристикой

самого человека: *безотрывный, безудержный, буквальный, вопиющий, головоломный, неизбежный, неизгладимый, неискоренимый, предвзятый, усладительный, чистосердечный.*

Небольшим количеством слов представлена группа прилагательных, описывающих физические характеристики неодушевленного предмета: *заваливающий, змеистый, мешковатый, развалистый.*

Глагольные СМ пополняют разнообразные лексико-семантические группы, но все действия, процессы, ими обозначаемые, связаны с человеком: глаголы поведения: *бабничать, бычиться, горланить, горячиться, ершиться, зарпортоваться, обабиться, окрыситься, ребячиться, юлить*; состояния; изменения состояния: *взбелениться, возродиться, воодушевиться, ежить, остолбенеть, переродиться, стекленеть, цепенеть*; отношения: *взвесься, приструнить, втесаться, подсидеть, школить*; психического воздействия: *воодушевить, излять, измотать, обездушить, усладить*; физического воздействия: *вломить, изрешетить, накостылять*; движения, перемещения: *вломиться, ворваться, колесить, заколесить, продираться, смахать, улизнуть.*

Появление многих СМ объясняется экстралингвистическими причинами. Они запечатлели важные моменты тех бурных социально-политических процессов, которые происходили в первой половине XVIII в., резко изменивших жизненный уклад российского общества.

Например, слова бумагомаратель 'писака', крючоктор 'чиновник, затягивающий и запутывающий судебные и административные дела' отражали новую складывающуюся систему управления государством – формирование огромного, разветвленного чиновничьего аппарата: «Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но *бумагомаратель*» (Н. Новиков); «Новый наш виц-губернатор был мужик глупый, надменный, без нравственности и просвещения, *крючоктор* во вкусе Сумарокова времени и самый низкий подъячий в нашем веке» (И. Долгоруков).

Именно в чиновничьей среде, все более набравшей силу, в это же время появилось слово **подсидеть** 'повредить кому-либо интригами и кознями, устроить неприятность'. Появлению этой СМ способствовало развитие нового значения у слова *место* 'должность, служба' (*вакантное место, быть при месте*), которое сохранило лексические валентности прямого значения: *занять место, быть на чьем-либо месте, вылететь с места* и др.

Исследователи отмечают, что «в прямой связи с петровскими реформами стоят глубокие перемены в области народного образования, просвещения, всей духовной и материальной культуры России – образа мыслей, круга ведущих идей, интересов, форм быта»⁵. Данный период характеризуется «ростом социального самосознания, фор-

мированием мировоззренческих и философских систем и вообще всех проявлений общественной мысли»⁶. Все это находило отражение в лексике, в том числе в словообразовательных метафорах, пополнявшихся словами социальной и духовно-нравственной сфер: *возродиться, воодушевиться, переродиться, воодушевить; глубокомысленный, дальновидный, закоренелый, неискоренимый, непреходящий; всеоружие, предначертание, притеснение, унижение, упадок, хищничество.*

Развитие словесного творчества привело к появлению массы поэтических метафор, употреблявшихся в «высоком штиле», многие из которых переключались затем в официально-деловой стиль; книжная окраска сохранилась у них и в настоящее время: *безудержный, двоедушный, красноречивый, неизбежный, неизгладимый, неискоренимый, непреходящий, сладкоречивый, упоенный, усладительный.* Книжная окраска сохранилась у этих слов и в настоящее время, а употребление некоторых производных (*сладкопение, сладкоречивый, упоенный, усладительный*) ограничено в основном поэтическими произведениями.

Состав производящих основ расширяется не только за счет слов различных частей речи, входящих в семантическую сферу «человек» (*баба, ребенок, горло, ухо, зубы, хребет, рот; резать, вздыхать, гулять, ломать, гладить, махать; пустой, золотой, красный* и др.), но и за счет слов других лексических объединений – «животные»: *бык, еж, ерш, змея, крыса* и «артефакты»: *колесо, костыль, крючок, мешок, мочало, решето, стекло, столб, струна, цепь.* Однако тематическая группа «артефакты» также входит, на наш взгляд, в семантическую сферу «человек», поэтому отражает антропоцентризм словообразовательной метафоры.

Подавляющее большинство словообразовательных метафор выполняют характеризующую функцию, выражая по преимуществу отрицательную оценку.

Значительные сдвиги наблюдаются в стилистической дифференциации СМ. Если в период XI – XVII вв. основная часть слов относилась к книжной лексике, то в XVIII в. ровно половина СМ (64 единицы) имеет стилистически сниженную окраску. Это отражало процесс «расширения границ русского литературного языка в сторону живой народной речи, смешения стилей и контекстов»⁷.

Русский язык XIX века

В XIX в. словообразовательная метафора продолжает расширять свои границы – в этот период образуется 147 производных с метафорической мотивацией.

Имена существительные продолжают пополняться наименованиями лиц. Они отражают различные стороны человеческой жизни: поведенческие характеристики: *ветрогонка, горлодер,*

губошлеп, пустоплёт; свойства характера: лоботряс, низкопоклонница, ротозейка, сладострастник, сладострастница, словоблуд, сорвиголова, тяжелодум, чистоплюй; социальные отношения: мироед, притеснительница; профессиональную деятельность: буквоед, рифмоплёт, стихоплёт, сладкопевец, чинодрал, шелкопер; социальный статус: оборванец, оторвиголова, перерожденец, перерожденка. Лексически разнообразны, имена лиц тем не менее образуют цельную смысловую группу, поскольку они содержат оценочную – во всех случаях отрицательную – характеристику именуемых объектов. Коннотативное оценочное значение превалирует над денотативным.

Отвлеченные имена, как и в XVIII в., в большинстве своем выступают в качестве синтаксических дериватов к уже существующим адъективным или глагольным наименованиям, т.е. не образуют новых смыслов, но усложняют словообразовательное гнездо: *буквоедство, дармоедство, захребетничество, нахлебничество, рифмоплетство, словоблудие, беспредметность, бессердечие, двуличность, машинальность, мешковатость, осовелость, прямодушие, ребячливость, тупоголовость, унижительность, обострение, перелицовка, подсидка, предпосылка, разбазаривание, развенчивание.*

Наименования предметов пополняются незначительным количеством слов: *волнолом, волнорез, громоотвод, крылатка, отрог, разлетайка, роговица.*

Адъективные СМ развиваются в рамках двух основных смысловых групп: характер человека, свойства натуры, интеллектуальные способности: *буквоедский, дармоедский, ершистый, захребетный, меднолобый, новоиспеченный, прижимистый, прямодушный, ребячливый, туполобый*; характеристика отвлеченного предмета: *беспредметный, внушительный, мимолетный, низкопробный, обостренный, пережиточный, прерывистый, сладкозвучный, унижительный, усадный.*

Несколькими примерами представлены прилагательные физического и психического состояния: *озадаченный, осовелый, мертвенный* и физической характеристики предмета: *пружинистый.*

Глагольные СМ продолжают заполнять смысловые группы глаголов поведения, проявления свойств характера: *выцыганить, гусарить, дармоедничать, двуличничать, двоедушничать, захребетничать, нахлебничать, прислужничать, прифрантиться, проворонить, риторствовать, сатанеть, сбытиться, смудрить, школьничать*; состояния, изменения состояния: *замудрить, мозговать, обездушеть, озадачиться, оскотиниться, поёжиться, советь*; отношения: *втрескаться, колтачить, миндальничать, озадачить, полаяться, собачиться, шерстить*; психического воздействия: *огорошить, принизить, прошколить, улацать*; физического воздействия: *звез-*

дануть, лапать, перелицевать, распатронить; движения, перемещения: *змеиться, поколесить, проколесить.*

Кроме этого СМ пополняют глаголы ЛСГ уничтожения, траты: *разбазарить, разбазариться, раскошелиться, ухлопать.*

В системе словообразовательных метафор XIX в. также можно отметить несколько слов, в которых отразились социально-политические, общественные процессы того времени. Отмена крепостного права и последующее за тем резкое расслоение крестьян на бедняков и кулаков вызвало к жизни производное мироед ‘тот, кто живет чужим трудом, эксплуататор’. Метафорический образ основан на ассоциациях поедания одного существа другим (корень – *мир-* в данном случае имеет значение ‘народ, люди’); производное, возможно, образовано по аналогии с существительным *людоед*. Слово *мироед* по происхождению является областным⁸, а одним из первых зафиксировал его и дал развернутое толкование М.Е. Салтыков-Щедрин в рассказе «Мироеды»: «*Мироед* – порождение новейших времен» (М. С.-Щедрин).

Укрепление чиновничьей власти, произвол и взяточничество, царившие в этой среде, отразились в слове чинодрал ‘бюрократ, чиновник’: «Оттого, что <...> какой-нибудь жалкий *чинодрал* из управы благочиния, муж беременной жены и отец девяти младенцев...» (А. Куприн). Внутренняя форма слова весьма прозрачна: в ней прочитываются ассоциации с фразеологизмом *драть три шкуры* ‘беспощадно, жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо’, а также с одним из значений глагола *драть* ‘брать, назначать за что-либо непомерно высокую плату’.

Первая половина XIX в. озаменована расцветом русской словесности – литературы и журналистики. Как и в веке XVIII, большая часть писателей являлась графоманами или эпигонами; языковое сознание выразило это в словах-синонимах *стихоплёт* ‘плохой, бездарный сочинитель стихов’ и *рифмоплёт* ‘то же, что стихоплет’, а также в слове *шелкопер* ‘бездарный, но много и легко пишущий писатель, журналист’: «Художественные формы всегда останутся тождественными с формами действительности, так, как это было до сих пор, и не выдумать ничего лучшего целому легиону прометеев-эстетиков даже при помощи такого же легиона *рифмоплетов* и сказочников» (В. Майков); «А ведь он гений; по приговору газетчиков и *стихоплетов* – неизбежная судьба услужливой Европы» (Г. Данилевский); «Стало быть, для вас все равно, что какой-нибудь *шелкопер* осмелится выразиться обо мне, что я не имею достаточно энергии, что я человек несовременный» (М. С.-Щедрин). Т.е. словесный ряд, наметившийся в XVIII в/ (*рифмачество, рифмотворец, рифмосплетение*), продолжает пополняться.

Пополняется состав производящих основ, и прежде всего за счет слов семантической сферы

«человек» (*школьник, гусар, ритор, лоб, губа; есть, лизать, петь* и др.). Некоторые слова используются вторично (*голова, горло, рот, сладкий, пустой*) – для создания новых СМ (*головоломный, головорез, горлодер, губошлеп, пустоцвет; сладкозвучный, сладкопевный*). Другие семантические сферы менее активны в роли производящих, но и они вовлекаются в процесс формирования СМ – «животные»: *собака, сова, свинья, рог, шерсть*; «растения»: *горох, миндаль*; «артефакты»: *кошелек, пружина*.

Таким образом, словообразовательная метафора продолжает наметившуюся в древнерусский период тенденцию развития в рамках антропоморфных моделей.

Еще одна закономерность, характерная для динамики СМ, – движение в сторону стилистически сниженных ресурсов языка. Если в XVIII в. количество разговорно-просторечных слов составляло половину от всего массива, то в XIX в. это количество составляет 65% (96 стилистически сниженных слов).

Данная закономерность обусловлена как общей тенденцией «расширения границ <литературной речи> в сторону так называемых “простонародных диалектов”, в сторону живой народной речи»⁹, так и функциональными свойствами СМ – давать оценочную характеристику предметам и явлениям. При этом СМ выражают в основном отрицательную оценку предметов и явлений. Словообразовательных метафор, служащих для собственно номинативных целей, в данный период образовалось всего тринадцать: *волнолом, волнорез, громоотвод, крылатка, отрог, разлетайка, роговица, беспредметный, внушительный, пружинистый, змеиться, озадачить, раскрепостить*.

Русский язык XX века

В XX в. наблюдается количественный скачок СМ – появляется 299 слов.

В классе имен существительных количественные позиции продолжают сохранять имена лиц и абстрактные наименования: наименования лиц: *аллилуйщик, безотрывник, беспорточник, беспредметник, буквалист, книгоед, небокопнитель, очернитель, очковтиратель, подкаблучник, спиногрыз, тугодум, шкуродер*; отвлеченные имена: *автоматизм, аллилуйщина, безвкусице, бесхребетность, буквализм, живоглотство, мешочничество, надругательство, нервотрепка, пережиток, показуха, пустозвонство, сердцеество, схематизм, шкурничество, штукарство, штурмовщина*.

Наименования предметов, как всегда, немногочисленны: *авоська, забегаловка, лавинорез, небоскреб*.

Имена прилагательные пополняют в основном три семантические группы: характер человека, свойства натуры, интеллектуальные

способности: *барственный, безголосый, безликий, бесхребетный, боевитый, вьедливый, лизоблюдский, прихлебательский, слабоголовый, шкурнический, языкастый*; социальная характеристика: *беспорточный, босяцкий, высокопоставленный*; характеристика отвлеченного предмета: *автоматичный, бесперебойный, беспочвенный, броский, драконовский, перерожденческий, потусторонний, почвеннический, схематичный, умопомрачительный, упаднический, штукарский*.

Глагольные СМ расширяют состав уже сформировавшихся групп: глаголы поведения, проявления свойств характера: *базарить, барствовать, бронзоветь, выкаблучиваться, вынюхивать, ишачить, мелочиться, набычиться, обайбачиться, раззвонить*; состояния, изменения состояния: *овецествиться, остекленеть, поершиться*; отношения: *бичевать, вуалировать, футболить*; психического воздействия: *взвинтить, взгреть, песочить, раздраконить*; физического воздействия: *гробить, всадить, отметелить, раскоцегарить, угробить*; движения, перемещения: *вырваться, промаячить, проивырнуться, увистать*; а кроме того, пополняют новые ЛСГ – глаголы восприятия: *проморгать, проиляпить* и глаголы деятельности: *засобачить, молнирывать, расконсервировать, химичить, штурпорить*.

Среди СМ, отразивших советскую действительность (общественно-политические изменения, научный прогресс и т.п.), следует отметить слова *автоматизм, химичить, штурмовщина, подкаблучник, аллилуйщик*. Рассмотрим примеры.

Первая половина XX в. характеризовалась не только появлением всевозможных автоматических устройств, но и автоматизацией производственных процессов, поэтому производные автоматизм ‘механичность, бессознательность, произвольность действий, движений’ и автоматичный ‘характеризующийся автоматизмом’ продолжили ассоциативный ряд, начатый словами *машинальный, механичный*: «Утрачен был не только *автоматизм* суждений, но и *автоматизм* наблюдений» (В. Шаламов); «В эту минуту мы видим ее, – говорит дежурный врач, – она ходит бесшумно, движения ее *автоматичны*, руки висят вдоль несколько наклоненного туловища» (И. Мечников).

Возникшее в 30-е гг. существительное *штурмовщина* ‘поспешная работа с целью наверстать упущенное (как следствие плохой организации дела)’ с ярко выраженной идеологической оценкой, отражало изначную сторону одного из главных социалистических методов работы – ударничество, это как бы извращенная форма ударничества: «И потом, самое главное, поймут ли нас люди, поверят ли в необходимость *штурмовщины?*» (М. Григорьев).

В 70-е гг. появился глагол *химичить* ‘изобретать, придумывать’ и ‘хитрить, мошенничать,

плутовать¹⁰: «Контора действительно была законная, бюро путешествий, которых расплодилось, что абрикосов в урожайный год, и все *химичили* с визами» (Г. Маркосян-Каспер). Возникновению этих смыслов способствовало прежде всего все возраставшая популярность химии как науки и как отрасли промышленности. Значение 'мошенничать' поддерживается ассоциативным фоном, в частности, одним из жаргонных значений слова **химия** 'разновидность наказания за совершенное уголовное преступление в виде отбывания срока принудительных работ на стройках или вредных производствах'¹¹.

Существительное **подкаблучник** 'тот, кто находится в подчинении у жены' также являлось приметой общественных изменений: все более возраставшей значимости женщины в жизни общества, окончательное утверждение ее равноправия с мужчинами, которые «сдали» многие общественные, профессиональные и семейные позиции (женщина осваивает чисто мужские профессии, нередко становится основным кормильцем семьи): «Нередко ощущая такое противодействие, он поспешно ретировался, ибо по сути-то своей был *подкаблучником*» (А. Алексин). Безусловно, подобный тип мужчин существовал и прежде, но только с установлением гендерного равноправия он мог получить словесное выражение.

Значительно расширяется состав производящих основ, относящихся к различным семантическим сферам, основные из которых – на протяжении всей истории словообразовательной метафоры – «животные» (*ишак, пес, собака, байбак, дракон, морда*) и «артефакты» (*предмет, каблук, гроб, штопор*), но ведущей по-прежнему остается семантическая сфера «человек»: наименования лиц, соматизмы; действия, производимые человеком, продукты интеллектуального труда и т.п. (*барин, скулы, спина, голос, текст, схема, футбол, химия, бросать, швырнуть, греть, босой*).

Основной массив словообразовательных метафор, возникших в XX в., выполняют характеризующую функцию – оценочные коннотации превалируют над денотативным содержанием. Однако если в XVIII–XIX вв. оценка отражала общественное осуждение именуемого объекта, то в XX в., особенно в первой его половине, многие СМ имеют оценку не столько общественную, сколько политическую – об этом говорят прежде всего особенности словоупотребления: «Злопыхатели и *очернители*, советская литература как-нибудь и без них обойдется» (В. Некрасов); «...То это во всяком случае один из немногих *перешитков* демократии, которые еще остаются в Соединенных Штатах» (Л. Троицкий); «Вот это и есть враждебное, *перерожденческое* дело» (Г. Козинцев); «... Именно среди них тогда встречались *упадничество*, моральная распущенность» (А. Володин); «Но и там он упрямо требовал, чтобы ему доказали, какую прибыль получит государство от такой *штурмовщины*» (Д. Гранин).

Наметившаяся в XVIII в. и продолжившаяся в веке XIX тенденция к движению СМ в сторону стилистически сниженных пластов лексики наиболее полно проявила себя в двадцатом столетии, особенно во второй его половине: из всего массива производных с метафорической мотивацией 80% относятся к разговорно-просторечной лексике: *вполноги, вполуха, подкаблучник, выкаблучиваться, гробиться, занюханый, нервотрепка, отметелить, показуха, прошвырнуться, химичить* и др. Эта тенденция продолжается: словообразовательные метафоры все чаще выходят за рамки литературного употребления, широко распространяясь в жаргонах: *бортануть* 'с силой ударить, толкнуть, оттолкнуть', *вломить* 'избить кого-либо', *вольтанутый* 'душевнобольной', *керосинить* 'пить спиртное', *мозгодуй* 'лектор, агитатор', *матгальник* 'мегафон', *отмазать* 'оправдать кого-либо', *оттянуться* 'предаться наслаждению, активно, раскрепощено действуя', *отслюнявить* 'дать кому-либо какую-либо сумму' и др. – всего 57 слов¹². Некоторые слова фиксируются уже не только в специальных, но и в обычных толковых словарях, например, *бортануть, вломить, отмазать, прикид*¹³, что говорит об их широкой употребительности.

Безусловно, тенденция к снижению отражает общие речевые закономерности, наметившиеся еще в первой половине XX в., когда «в связи с процессом демократизации литературного языка лексика и фразеология внелитературная: просторечная, диалектная, профессиональная, жаргонная – входит в состав нормативной лексики и фразеологии»¹⁴. В последние десятилетия тенденция к «демократизации» продолжает усиливаться, что приводит к размыванию границ между стилистическими пластами литературного языка, а также литературного языка и жаргонов.

Анализ словообразовательной метафоры в исторической динамике выявил основные тенденции ее развития – стремление к антропоцентризму (это выразилось в том, что, во-первых, большинство СМ реализуются в метафорических моделях смыслового поля «человек», а во-вторых, в качестве производящих основ выступали в основном слова, так или иначе связанные с человеком); движение в сторону стилистически сниженных ресурсов языка; закрепление за СМ функции характеристики (чаще всего негативно оценочной) предметов и явлений (номинативная функция свойственна незначительному числу СМ), что служит обогащению экспрессивно-оценочной системы языка.

Таким образом, изучение СМ в диахронии подтверждает наше предположение о том, словообразовательная метафора развивалась в истории языка как особая, достаточно автономная подсистема лексико-словообразовательной системы языка.

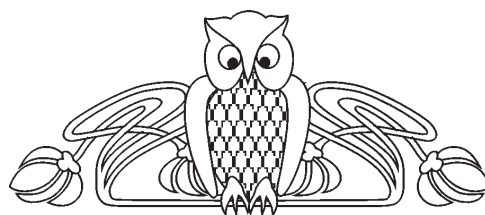
Примечания

- 1 См.: Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 53–57; Козинец С.Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. 2007. № 2. С. 61–70.
- 2 См.: Балашова Л.В. Метафора в диахронии. Саратов, 1998. 216 с.
- 3 Там же. С. 195.
- 4 Там же.
- 5 Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 в. Языковые константы и заимствования. Л., 1972. С. 31.
- 6 Там же. С. 37.

- 7 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1982. С. 102.
- 8 Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 838.
- 9 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1982. С. 228–229.
- 10 Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. С. 762.
- 11 Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. С. 674.
- 12 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
- 13 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.
- 14 Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1992. С. 281.

УДК 81–11: 008.001

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ДОМ» В КОНЦЕПТОСФЕРАХ А.П. ЧЕХОВА И ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА (на материале малой прозы)

Ю.М. Фокина

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра теории и истории языка
E-mail: english@pags.ru

Статья посвящена контрастивному исследованию художественного концепта «дом», репрезентированного в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса. Сравнительный анализ проводится автором на уровне структурной организации концепта.

Ключевые слова: художественный концепт, концептосфера, идиостиль, репрезентация, контрастивная поэтика.

Specific Representation of the Concept «House/Home» in A.P. Chekhov and James Joyce (Short Stories)

Yu.M. Fokina

The article deals with the comparative analysis of the concept *house/home* represented in short stories by A. Chekhov and James Joyce. The analysis is conducted on the level of concept structure.

Key words: concept in literature, conceptosphere, idiosstyle, representation, poetics of contrast.

Художественный концепт «дом» занимает в индивидуально-авторских концептосферах А.П. Чехова и Джеймса Джойса особое место. События большинства чеховских рассказов и рассказов Джеймса Джойса, включенных в сборник «Дублинцы», разворачиваются в пространстве человеческого жилища. Будучи неотъемлемой составляющей жизни человека, дом может быть постоянным или временным, принадлежащим или

не принадлежащим герою, служебным, административным и т.д.

Именем концепта «дом» в прозе А.П. Чехова является лексема *дом* (с учетом падежных форм данная лексема встретилась 54 раза в четырнадцати выбранных нами произведениях, написанных в период с 1888 по 1902 г.¹). В «Дублинцах», куда входят 15 рассказов, концепт «дом» представлен, главным образом, двумя существующими в английском сознании как неразрывное единство лексемами – *house* и *home*, (*house* употребляется в тексте 29 раз, *home* – 11²).

В силу того что художественный концепт предстает единицей сознания писателя, которая «получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений»³, репрезентация концепта в художественных текстах носит уникальный характер.

Для выявления особенностей вербализации художественного концепта «дом» в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса мы, вслед за И.А. Тарасовой, выделяем следующие актуализированные в концепте слои: понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный⁴.

В процессе реконструкции понятийного слоя концепта «дом» важно помнить о том, что художественное значение, непосредственно связанное с авторским замыслом, характеризуется большей